

Разговор начался неожиданно. Ученый спросил меня: «Удивляетесь, что жив?»

— **Пожалуй**, - уклончиво, боясь обидеть, ответил я.

Константин Павлович улыбнулся:

— Я уже привык ко всему, поэтому готов отвечать на любые вопросы.

— **В таком случае не могу не спросить: почему живы?**

— Ответ простой: радиация по-разному воздействует на людей. Одни более «устойчивы», если можно так выразиться, ну а другим подчас достаточно лишь упоминания о ней... Известен такой случай. В Чернобыле один из ликвидаторов узнал, что получил 50 бэр, то есть в два раза больше, чем было положено, - и сошел с ума! Представляете?! Доза отнюдь не опасная, она была у многих, но этот человек лишился разума. Вот вам и радиация!

Я знал: в биографии моего собеседника есть мгновения, которые смело можно назвать путешествием в ядерный ад. Именуется он «четвертый блок Чернобыльской АЭС» - тот самый, что взорвался 26 апреля 1986 года.



Как все началось для Константина Чернова, старшего научного сотрудника Курчатовского института?

Он пришел в институт в 1971 году после окончания вуза. И вся его жизнь связана с атомной энергетикой, а потому мой вопрос звучал так:

— **Что для вас Чернобыль?**

— Замечательный вопрос на самом деле... И отвечу я таким образом. Чернобыль позволил мне ощутить себя человеком. Не в момент аварии, конечно, а постепенно, в процессе того, как я жил и работал в Чернобыле, вел исследования внутри 4-го блока. До аварии я был обычным, нормальным советским человеком. Жил в той самой системе, где все было расплано...

— **Что вы имеете в виду?**

— Каждый знал свое место: младший научный сотрудник в системе знал меньше старшего, доктор наук - меньше академика, который знает все, а президент академии вообще все знает. Это было подсознательное ощущение правил жизни. Когда же приехали в Чернобыль и окунулись в реальность, то стало ясно, что ни члены правительственной комиссии, ни академики, ни министры, ни генералы ничего не чувствуют, не понимают и не знают! Решения принимаются главным образом волевые, без достаточной информации, а подчас при полном отсутствии ее. Когда простой человек видит такую картину, то он понимает, что надежды на руководителей - вне зависимости от должностей, которые они занимают, - никакой нет.

С этого момента появилось ощущение, что ты должен рассчитывать только на себя, на свою голову, знания, физическую силу. Это был важный момент, потому что я понял: идет становление человека. Плюс к этому - особенности работы. Ты работаешь внутри 4-го блока день за днем, и это формирует такие личностные качества как мужество. Конечно, каждый приехал в Чернобыль с какими-то своими человеческими качествами. Они раскрывались постепенно. Тем не менее осознание себя как личности пришло в Чернобыле.

— **Значит, Чернобыль - испытание человека?**

— Мы жили в Чернобыле, а работали внутри 4-го блока. Для кого-то понятие «зона» - это кошмар и ужас, нужно бежать от нее как можно дальше. А мы в ней жили, и это было самое безопасное место для нас, место работы нашей.

— **Так сказать, «зона в зоне»?**

— Это если смотреть со стороны... В 4-м блоке у людей были разные обязанности. Для дозиметристов - обычное место работы. Буровики делали исследовательские скважины, что было очень важно. Технику обслуживали соответствующие специалисты. Это нормальные условия работы для них, они тому обучены. Но было огромное количество людей, которые были призваны военкоматами. Их называли «партизанами». Это слово очень подходило. Призванные из разных районов Советского Союза, эти люди никогда не работали с источниками ионизирующих излучений. У них не было ни опыта, ни понимания того, что происходит. Они готовы были выполнить любую поставленную задачу, не задумываясь о последствиях, в том числе и для них самих. Этим они отличались от людей, которые пришли в Чернобыль, имея опыт работ с источниками излучений. Резервистов - «партизан» было крупнейшее количество. Они получили установленную дозу (как ее определяли - другой вопрос!) в 25 бэр и уезжали. Доза - это какая-то условная величина, и она оказывает на каждого человека свое воздействие. В том числе

— **«Слоновая нога» и прочие «прелести» из 4-го блока, которые мы увидели на фотографиях и в телесъемках - ваша работа?**

— Не совсем и не все. В июне 86-го к «слоновой ноге» мы подошли только снизу. Наши дозиметристы спустились с первого этажа на третий - поднимали свои приборы, мерили уровни, получали до трех тысяч рентген в час. Они поднимали штангу, прибор зашкалил. Тогда мы еще не знали, что там скопление топлива. Ближе к осени, пожалуй, уже зимой подошли по третьему этажу, сфотографировали

— Я был при нем «шерпом» - дозиметристом, осветителем, помощником...

— **Поход в 4-й блок можно сравнить с подъемом на Эверест?**

— На Эвересте я не был... Впрочем, в 4-м блоке людей было намного меньше, чем на Эвересте. Так что судите сами, что опаснее... И так, вместе с Кузнецовым пошли в 4-й блок. Аппаратуры было много, сейчас даже трудно себе представить, как всю эту тяжесть можно было на себе нести, но ничего не поделаешь - задание есть задание. Правительственной комиссии и тем, кто «на самом верху», нужно было посмотреть, что творится во взорвавшемся блоке. Пошли мы вдвоем. Я подсвечиваю, Кузнецов снимает. Время от времени приходилось под трубами нырять или через них перелезть. То так, то сак. В какой-то момент он руку от камеры опустил, и вдруг из надувника поток воды идет. Где же он воду черпанул? Никак не припомню, поскольку там, где лужи были, мы по верху перелезали... Так сначала и не понял. Продолжаем работать, идем дальше. Он опять руку опускает и вновь вода вытекает. Тут уж я догадываюсь: это пот! Настолько тяжелая была физическая работа, что буквально за несколько минут человек терял несколько килограммов.

— **«Слоновая нога» и прочие «прелести» из 4-го блока, которые мы увидели на фотографиях и в телесъемках - ваша работа?**

— Не совсем и не все. В июне 86-го к «слоновой ноге» мы подошли только снизу. Наши дозиметристы спустились с первого этажа на третий - поднимали свои приборы, мерили уровни, получали до трех тысяч рентген в час. Они поднимали штангу, прибор зашкалил. Тогда мы еще не знали, что там скопление топлива. Ближе к осени, пожалуй, уже зимой подошли по третьему этажу, сфотографировали

— **А сейчас ясно, что делается внутри 4-го блока?**

— За 21 год мнения ученых принципиально разошлись, единой точки зрения нет. У меня, признаюсь, особая - поскольку я обследовал все помещения четвертого блока: изучал, фотографировал, брал пробы. С годами у меня сложилось представление, что в раскладе не более десяти процентов топлива. Если рассмотреть ход развития аварии, то, на мой взгляд, топливо должно было улечься. Многие люди, которые связаны с саркофагом, конечно же, не заинтересованы в таких выводах - они готовы писать, что 200 тонн топлива находится внутри, что существует ядерная опасность, и так далее. Понятно, что все это связано с деньгами, и зачастую именно они определяют научные выводы и рекомендации.

— **Я не могу не задать вам вопрос: вы называете страшные цифры - тысяча рентген, три тысячи. И чем вы за них заплатили?**

— Ничем не заплатил... Это было удивительно. Я работал с опытными дозиметристами, был «у них за спиной». Пришли мы в зал циркуляционных насосов. Кромешная тьма. У нас только шахтерские лампочки горят. Помещение огромное, все закопилось - ничего не видно. Недели за три до нас произошел пожар...

— **Помню, горели кабели между 4-м и 3-м блоком.**

— Точно. И тогда сюда влетели пожарные. Первый из них не заметил, что по центру огромная дыра - при взрыве вырвало люк. Пожарный упал вниз. Ребята начали его спасать. Через несколько минут вытащили. «Накопители» показали какие-то немалые цифры, и ответственный за проведение работ не поверил в данные «накопителей». Он посчитал, что пожарные специально куда-то положили свои, чтобы доза была побольше - им это даст возможность

Ученый уходил в недра взорвавшегося 4-го блока Чернобыльской АЭС не только для того, чтобы узнать, где и в каком виде находится расплавленное топливо, но и во имя будущего атомной энергетики.

АТОМ - НЕ ПТИЦА, ЧЕРНОБЫЛЬ - НЕ ЗАГРАНИЦА

эмоциональное. «Партизаны» слишком пренебрежительно относились к радиации и поэтому позже поплатились за это. К счастью, в июне присылали уже достаточно взрослых людей, не совсем молодых, как вначале.

— **В частности, в своей записке в политбюро я писал, что нельзя посылать туда молодых...**

— Это известный факт, и хорошо, что молодых не призвали в «партизаны». В основном были те, кому не предстояло рожать детей - у них уже дети были.

— **Все-таки «партизаны» звучит обидно, когда речь идет о Чернобыле...**

— Из песни слова не выкинешь. А почему обидно?! Чернобыль - это война. На ней есть генералы и рядовые, передний край и партизаны.

— **Один из своих первых материалов я закончил знаменитыми словами: «Словы, соловьи, не тревожьте солдат...» Меня тогда обвинили в том, что я нагнетал обстановку: мол, нельзя сравнивать то, что происходит в Чернобыле, с войной.**

— Так могли рассуждать только те люди, которые там не бывали...

— **Ваши ощущения в 4-м блоке?**

— Прежде всего спокойствие и уверенность. Остальные эмоции надо было оставлять за пределами блока. Есть конкретная задача, во имя которой идешь внутрь. Конечно, многие эпизоды остались в памяти. Я проводил измерения в тех местах, где радиационная обстановка была очень серьезной...

— **Не случайно вас называли сталкером...**

— Там было больше тысячи рентген в час. Отмечал на своих картограммах данные - где и сколько. Любопытно, что, где более тысячи в час, ощущается запах озона. То есть со временем измерения уже не требовались - по запаху знаешь, что тебе пора начинать работы. Это запомнилось. Еще один эпизод связан с Николаем Николаевичем Кузнецовым, вашим хорошим знакомым.

— **Мы были дружны. Прекрасный ученый и человек! В Чернобыле именно им были произведены самые сложные и опасные съемки.**

это скопление. Причем съемку сделали с помощью детского танка, на котором была смонтирована фотокамера. Танк полз по полу, съемка шла снизу вверх, а потому и возникло такое ощущение, будто видишь гору. Все думали о чем-то грандиозном, очень большом. На самом деле - лепешка толщиной сантиметров тридцать.

— **А вы лазали по 4-му блоку, чтобы выяснить, нет ли где-нибудь критической массы? То есть не произойдет ли ядерный взрыв?**

— Прежде всего надо было понять, где находится топливо, а затем уже делать оценки: опасно или нет, критично или нет. Нужны были данные - вот мы и пытались их собирать. Честно говоря, летом 1986 года представление о состоянии топлива у нас было очень далекое от реальности. До топливных сборок, которые находились в реакторе, в 86-м мы не добрались. А те, что были разбросаны вокруг блока, мы, конечно же, видели. Это были и твэлы, и топливные сборки. Наши сотрудники регулярно поднимались на крышу и собирали там фрагменты активной зоны.

— **А что вас особенно интересовало?**

— Как известно, возникло предположение, что реактор превратится в своеобразный огненный кристалл, который начнет двигаться вглубь земли. Причем глубина погружения его в землю прогнозировалась от нескольких метров до километра. Цифры назывались разные. Поэтому нам интересно было посмотреть на этот кристалл снизу, то есть из барбадера. Туда мы отправились вместе с Кузнецовым. К сожалению, аппаратуру протащить не удалось, нам пришлось пролезать сквозь маленькую дырку - сами еле протиснулись. Посмотрели на потолок, где должно быть проплавление. Ничего нет. Под ногами - нечто красноватое, похоже на глину. Я так и написал: «глина».

А то, что фон около тысячи рентген, не удивило. Такой фон был повсеместно. Только через два года, в 88-м, поняли, что имеем дело с материалом, в котором было топливо. То есть понимание пришло гораздо позже.

уехать. А потому он поставил всем нули. Пожарные же потом долго болели, а тот, который провалился в люк, умер... Когда мы пришли в это помещение, у нас было всего два прибора: один мерил до двухсот рентген в час, другой - до тысячи. Вскоре и последний зашкалил. Мы быстро прошли маршрут, вернулись. Приехали вечером на базу, а у дозиметриста нога покраснела, кожа шелушится...

— **Как лучше ударило где-то?**

— Мне было интересно, где такое случилось. Дозиметристы на следующий день уехали в Москву, а я вновь пошел в зал. Померил все. Оказывается, у люка было девять тысяч рентген. Это как раз там, где дозиметрист прошел и где пожарный упал. Вот что такое «ноль по-чернобыльски»! Учтите, что измерения я проводил в июне, а в мае было в два раза больше. Значит, пожарные получили практически смертельные дозы...

— **Лучевой ожог?**

— Дело не в том, что вы работаете в такой зоне, а какое время вы там находитесь, когда делаете конкретную работу. Смысл не в том, чтобы бэры набрать, а дело сделать. Где-то надо бегом бежать, стараться как можно быстрее уйти из опасного места.

— **Сжигали все-таки людей?**

— Одно дело, когда посылают человека выполнять какую-то задачу, а совсем другое - когда человек сам ее ставит и выполняет. Это принципиально разные вещи. Если мне нужно что-то сделать и я получаю дозу, то грешить мне не на кого. Наши дозиметристы работали, совершенно отчетливо понимая: никто их не посылает в самое пекло, но нужно добывать информацию, без которой ликвидировать аварию просто невозможно. Многие руководители нашего института, не только рядовые сотрудники, работали в очень мощных радиационных полях спокойно. Я часто наблюдал весьма характерную картину. Идут люди выполнять поставленную самими перед собой задачу. Ясно, что они идут в неизвестные условия работы, где может быть и тысяча рентген в час, и две, и три, но они к этому морально готовы. Идут и мурлычат песенки. Ощущений безысходного ужаса и

страха у них нет. Но были и такие, которые переживали из-за всего.

— **Поэтому на ликвидаторов и обрушились инфаркты?**

— К стати, на конференции в Чернобыле в 1988 году А.К. Гуськова - наш признанный врач - сказала, что в перспективе следует ожидать скачка не онкологических заболеваний, а сердечно-сосудистых. Тогда это меня удивило очень, но время подтвердило ее правоту. Примерно половина ликвидаторов страдают от сердечных заболеваний.

— **Важно было все снять внутри 4-го блока в то время. Риск был оправдан?**

— Правительственная комиссия должна была принимать свои решения осмысленно, а для этого требовалась информация. Надо было избежать случайных, ложных, ошибочных представлений. Всего пару примеров. Вместе с Н.Н. Кузнецовым мы отсняли зал циркуляционных насосов. Зафиксировали, но все они стоят вертикально, ни один не наклонился, не сорвался. Отсняли, принесли на правительственную комиссию. Председатель не поверил, мол, съемки сделаны не на 4-м, а на 3-м блоке (комиссии раньше докладывали, что насосы сорваны). К чести председателя комиссии, он не побоялся, пошел сам в зал, проверил, что насосы на месте. С тех пор съемкам, которые делал Кузнецов, доверяли всегда. Конечно, были сложные психологические проблемы. Было известно, что В.И. Ходемчук пропал в районе насосов. Кузнецов вел съемки среди разрушенных стен, обвалившихся балок, сорванных и обрушившихся конструкций, и, как мне кажется, искал тело Ходемчука. Точно про него не знаю, но я старался заглянуть в каждый уголок, а вдруг найдем?.. К сожалению, не нашли.

— **В этом атомном хаосе что вас особенно удивляло?**

— Странные, почти мистические вещи подчас происходили. Меня поразило, что стекла в машинном зале были целыми. Летом 86-го это было особенно хорошо видно: дни стояли солнечные, облачность на небе - редкость. Все вокруг сияло. Да, крыша зала была пробита, куски взорвавшегося

реактора летели оттуда. Однако вокруг все стояло на своих местах, и было такое ощущение, будто достаточно провести субботник - и все сразу восстановится. Масштабных разрушений нет. Но дозы большие. Веду измерения: 200 рентген в час, 250, 300... Оставаться здесь не имеет смысла, и сразу же картинка ощущений меняется: солнце исчезает, будто грозовые тучи откуда-то появились. Психология, конечно, штука особенная... Иногда до курьезов доходило, до странности. К примеру, представьте, что те люди, которые работали внутри 4-го блока и вокруг него, не хотели уезжать. Они использовали любой предлог, чтобы остаться и продолжать работать. Странно, не правда ли?

— **Что же притягивало?**

— Авария для большинства физиков стала полной неожиданностью, и всем, кто так или иначе был связан с атомными реакторами, с энергетикой, хотелось понять, почему же все произошло. Сознательно или подсознательно было убеждение, что, если мы сумеем собрать детально всю информацию об аварии, то сможем понять, какие процессы привели к случившемуся, а следовательно, определить причину аварии. Летом 86-го года все думали только об этом.

— **Естественен вопрос: как после всего пережитого вы относитесь к атомной энергетике?**

— Положительно! Из Чернобыльской аварии надо извлечь максимальное количество прагматических выводов. А в том, что атомная энергетика должна развиваться, - убежден абсолютно!

— **А если еще один Чернобыль?**

— Мы имеем дело с новой техникой. Она вокруг нас. Нет гарантии, что с космическим кораблем, ракетой, подводной лодкой или химическим заводом ничего не случится - аварии могут и будут происходить. Такова логика развития цивилизации. Нам суждено жить в таком мире. У меня создается впечатление, что природа и человечество уже пережили чернобыльскую катастрофу, оставили ее в прошлом. А значит, надо идти вперед.

Беседу вел
Владимир ГУБАРЕВ